

ИРОНИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ: ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА

К. М. Шилихина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 сентября 2012 г.

Аннотация: в статье анализируется иронический нарратив как текст, который позволяет не только рассказать о событии, но и передать эмоционально-оценочное отношение к тому, о чем идет речь. На материале публицистических нарративов демонстрируются различные способы создания иронии. Особое внимание уделяется логическим связям между элементами текста, а также соотношению секвентивных и комментирующих пассажей в повествовании.

Ключевые слова: нарратив, структура текста, ирония, секвентивный пассаж, комментирующий пассаж.

Abstract: the paper discusses ironic narrative as a text that allows for narrating an event and expressing emotions and evaluation of that event. Journalistic essays are used as an illustration of various techniques of creating irony. Special attention is paid to the logical organization of the text and the alternation of the sequential and commenting passages in the narrative.

Key words: narrative, text structure, irony, sequential passage, commenting passage.

1. Нарратив как тип текста: терминология и принципы описания

Нарратив – самостоятельный и, заметим, популярный объект лингвистического и текстоведческого анализа. Причина такой популярности заключается не только в сложности самого объекта, но и в особой культурной значимости нарратива: это способ не только сообщить о некоторой последовательности событий, но и рассказать об имеющемся опыте, передать чувства и эмоции, связанные с описываемыми фактами.

Для лингвистики нарратив представляет особый интерес как с формальной, так и с содержательной стороны. «Простое объяснение этого факта в том, что нарративный дискурс – один из самых сложных и гетерогенных типов дискурса. Те феномены, которые присутствуют в нарративе, как правило, присутствуют и в других типах дискурса, обратное же далеко не всегда верно. В каком-то смысле поэтому ключом к пониманию дискурса служит анализ структуры нарратива» [1, с. 11]. Повышенный интерес к нарративу как типу текста проявляется в появлении и закреплении в лингвистическом обиходе специфической терминологии, например в термине *нарратология*, которым обозначают всю совокупность исследований в этом направлении. Нарративные тексты (как письменные, так и устные) стали материалом для анализа структуры дискурса – особого направления исследований, в котором изучается формальная и функцио-

нальная сторона дискурса, делаются попытки формализации структуры нарратива и других типов текстов [2].

История собственно лингвистических исследований нарратива связана в первую очередь с именем У. Лабова, который предложил социолингвистический анализ устного персонального нарратива [3], а также выделил основные структурные компоненты нарративного текста (*экспозиция – развитие действия – кульминация – развязка – кода – резюме*).

Во многом благодаря заложенным У. Лабовым традициям значительная часть исследований, посвященных нарративу, сосредоточена именно на *анализе структуры устных и письменных повествовательных текстов*. Исследователи выделяют более мелкие значимые фрагменты нарративов, есть успешные попытки формализации структуры нарратива в терминах риторических отношений [2, 4]. В основе выделения фрагментов обычно лежат логико-семантические критерии. Так, в работе [1] в качестве функционального инструмента анализа предлагается термин *пассаж*: это элемент нарратива, выполняющий определенную функцию в структуре текста: «Пассажи отличаются друг от друга не столько тем, о чем в них сообщается, сколько тем, какую роль они играют в организации нарратива: реализуют ли они хронологически последовательное повествование, отступление от основной линии, и т.п.» [1, с. 19–20]. Нельзя сказать, что выполняемая функция – это единственный критерий выделения пассажа: место, которое занимает данный элемент в структуре текста,

также играет роль при определении типа пассажа. В. А. Плунгян выделяет следующие типы:

1) *интродуктивный* – в нем вводятся основные участники событий и излагаются обстоятельства;

2) *секвентивный* (консеквентивный), т.е. обозначающий смену эпизодов. Последовательность секвентивных пассажей составляет каркас нарратива;

3) *фоновый* – такой пассаж включает второстепенные ситуации и описание обстоятельств, сопутствующих основной линии нарратива. Очевидно, фоновые пассажи необходимы для лучшего понимания сути рассказа;

4) *ретроспективный*, т.е. пассаж, который возвращает читателя к событиям, предшествовавшим тем, которым посвящен рассказ. Это отступление от хронологического порядка изложения (таким образом, классическая структура нарратива в этом смысле оказывается нарушенной), но отступление необходимо: через него рассказчик показывает причины и мотивы последующих действий персонажей;

5) *объяснительный* – данный тип пассажа включает в себя комментарии и авторскую оценку излагаемых событий. Именно этот тип пассажа нас будет интересовать при анализе иронического нарратива [1].

Типология элементов нарратива показывает, что канонический нарратив может подвергаться модификациям в соответствии с теми целями, которые ставит перед собой рассказчик. Классификация В. А. Плунгяна также учитывает личностное начало рассказчика, которое неизбежно проявляется в повествовании. Иными словами, абсолютная объективность в нарративе оказывается невозможной в принципе. Напротив, нарратив – это не только и не столько изложение событий или указание на то, каким образом события связаны между собой, сколько возможность показать, как эти события становятся частью опыта субъекта. Такое мнение высказывает известная немецкая исследовательница нарратива М. Флудерник [5, 6]. Именно это свойство нарративов стало толчком к введению в ее работах специального термина – «экспериментальность» (experientiality). Как часть опыта рассказчика события неизбежно подвергаются оценке, и, если рассказчик относится к тому, о чем идет речь, отрицательно, он может выбрать непрямой способ выражения оценки. Одним из таких способов, часто используемых в повествованиях, является ирония.

2. Ирония в нарративе

Следует отметить, что ирония, как и юмор, нечасто становятся объектами внимания в исследованиях нарратива. Среди имеющихся исследований можно, пожалуй, назвать статью С. Аттардо «The analysis of humorous narratives» [7] и главу, посвященную структуре шутки как микронарратива в монографии М. Флудерник [6].

Шутки и анекдоты как жанры юмористической коммуникации описаны достаточно подробно с точки зрения как формы, так и содержания. На то, что шутка (анекдот) обладает достаточно жесткой структурой, обращают внимание многие исследователи, однако они не связывают эту структуру со структурой нарратива. М. Флудерник предлагает считать шутку нарративом особого рода – микронарративом, в котором в концентрированном виде реализуются основные структурные особенности нарративного текста [6].

С. Аттардо анализирует англоязычные нарративы, внутри которых рассказчик использует шутки. Жанр шутки также предполагает рассказ о событии, только с неожиданной концовкой. Иными словами, шутка – это нарратив, который оказывается включенным в более крупное повествование. Шутка меняет классическую структуру нарратива, и для таких случаев С. Аттардо предлагает термин «вложенный нарратив» – инициированный рассказчиком новый рассказ внутри основного повествования [7].

Шутки и анекдоты – удобный объект анализа: они имеют четкую структуру и легко вычлениаются внутри других текстов. В этом отношении ирония менее удобна: она не имеет четких формальных показателей, что затрудняет ее выявление в тексте и последующее описание.

Тем не менее иронический нарратив представляет собой интересный объект изучения и со структурной, и с содержательной стороны. Иронический нарратив – это пример того, как ирония последовательно создается на уровне текста и становится одной из основных целей повествования.

Какое место может занимать ирония в нарративе? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо по традиции определиться с трактовкой понятия *ирония*. В нашей работе ирония рассматривается не как риторический троп, а как особый тип речевого поведения, с помощью которого говорящий выражает свое отношение (как правило, негативное) к описываемым событиям. Иронический нарратив – это тот случай, когда ирония функционирует на уровне текста, когда для ее создания привлекаются языковые средства различных языковых уровней. В данном исследовании основное внимание будет уделяться лексическому наполнению, соотношению грамматических элементов и логико-семантической структуре иронического нарратива.

Материалом для нашего исследования стали публицистические тексты, в которых рассказывается о значимых с точки зрения автора событиях. Эти тексты ориентированы на массового адресата, и можно сделать весьма тривиальное утверждение о том, что основная цель такого повествования – заинтересовать читателя. По структуре перед нами – типичные нарративы; их отличие от художественного повествования

заключается только в том, что рассказчики являются и авторами текстов, и участниками событий, о которых идет речь. Иными словами, перед нами – диегетический повествователь, принадлежащий миру текста [8].

Ирония в нарративе возникает как результат специфического комбинирования лексических и грамматических средств, а также через особые логические отношения между элементами повествования. Специфика иронического нарратива проявляется в том, что лексические средства можно описать как некогерентные (как с семантической, так и с прагматической точки зрения), а грамматические средства комбинируются таким образом, что выполняют различные дискурсивные функции. В результате постоянного переключения с собственно повествования на различного рода комментарии нарушается общая каноническая структура нарратива.

С точки зрения структуры иронический нарратив вполне соответствует предложенной У. Лабовым схеме риторической организации нарратива. Однако внутри текста читатель сталкивается с несовместимыми элементами. Например, автор может использовать нетипичную лексическую сочетаемость или метафорическую номинацию как сигнал иронии. Примером нетривиальной коллокации может служить следующий фрагмент:

Куршевель как «ярмарка тщеславия» умер. Отныне это не горнолыжный Олимп для победителей соревнования жизни. Трендсеттеры если и заезжают в Куршевель, то не на «русскую неделю». Чиновникам светиться в королевстве жирного успеха категорически запрещено [9].

Почему именно группу *королевство жирного успеха* можно считать примером нетривиальной коллокации? В современном русском языке прилагательное *жирный* используется в нескольких значениях:

- «содержащий много жира, масла» (*жирная свинина, жирный крем*);
- «с большим количеством жира, очень толстый, тучный» (*жирный гусь*);
- «насыщенный полезными веществами, сочный» (*жирная земля*);
- «получающийся от жира, сальный» (*жирное пятно, жирный блеск*);
- «с толстыми линиями букв» (*жирный шрифт, жирная линия, жирные кавычки*).

Такая семантическая структура прилагательного *жирный* обеспечивает его сочетаемость с существительными, обозначающими физические объекты, которые могут восприниматься тактильно или зрительно. Существует также метафорическое употребление данного прилагательного, когда эпитетом *жирный* характеризуют что-либо выгодное и заман-

чивое. Однако и в этом значении прилагательное употребляется с существительными с предметной семантикой: *отхватить жирный кусок, жирный пирог*. В приведенном выше контексте существительное *успех* относится к именам с абстрактной семантикой, поэтому коллокация *жирный успех* воспринимается как нетипичная.

В качестве метафорической номинации, порождающей иронию, приведем следующий фрагмент:

Пока Мари де Тилли объясняла типичные ошибки в представлении себя, классической иллюстрацией к дурному воспитанию россиян служила боевая подруга одного из генералов МВД. Эта маленькая плотная кубышка с хитрыми глазками все время болтала с подругой. Параллельный бубнеж мешал всем в зале [10].

Метафорическая номинация и нетривиальная лексическая сочетаемость – это средства создания иронии, которые можно назвать внутритекстовыми, «локальными»; лексические способы создания иронии не являются исключительной характеристикой иронического нарратива, поскольку они активно используются и в других режимах коммуникации.

Иронический нарратив функционально неоднороден, и его неоднородность – то, что отличает такое повествование от классического нарратива. Поскольку одной из основных целей автора-повествователя является создание иронии, в нарративе происходит постоянное переключение с событий на их оценку. Поэтому в структуре иронического нарратива особое место занимают объяснительные пассажи, а автор постоянно осуществляет «переключение» с изложения событий на их комментирование и оценивание. Приведем пример такого перехода:

Юрий Осипов выступил с докладом, из которого прежде всего следовало, что наконец-то решена известная проблема Зейделя об объемах неевклидовых тетраэдров. Президент РАН говорил о насущном, не отвлекаясь на детали:

– Впервые нами получено достоверное изображение белого карлика! А может, белый карлик окажется черной дырой?! Не знаю... Поживем – узнаем!

Ну кто еще, кроме президента РАН, мог бы так исчерпывающе, в трех предложениях, изложить смысл любого научного академического занятия? [11].

Иногда говорящим оценивается практически каждое действие, и тогда секвентивные и оценочные пассажи чередуются либо оценка «вклинивается» в основную линию повествования. Границы между двумя типами пассажей оказываются размытыми:

Между тем одного медведя к приезду Владимира Путина завалили (**а это именно так называют люди**) как раз с вертолета. Причем стрелять пришлось дважды: после первой медведь не заснул, ну, а между первой и второй перерывчик был, **уввы**, небольшой. И все-таки медведь еще некоторое время бежал, виляя задом, потом ковылял, потом полз... **Не стоит, нельзя их валить с вертолетов.**

Этого, правда, потом отпустили: чем-то он не показался. К тому же к этому времени один медведь был уже на счету Никиты Овсяникова, который обложил своей тухлой привадой всю погранзаставу и ее окрестности. Никто не понимал системы в его действиях, и именно этим он и был доволен. Судя по всему, он на самом деле просто выкладывал мясо, рыбу и сосиски так, чтобы медведь, сам себя запутав и накружившись, рано или поздно подошел к засаде, где притаился Никита Овсяников. Там же сидели в этот раз телевизионщики, которые даже до ветру выходили в белых маскахалатах. **Никогда еще не была так холодна и противна на запах профессия тележурналиста, тем более для одного тихого интеллигентного арабского тележурналиста** [12].

Границы между пассажами могут быть маркированы сменой грамматических форм, например времени:

Пока Мари де Тилли **объясняла** типичные ошибки в представлении себя, классической иллюстрацией к дурному воспитанию россиян **служила** боевая подруга одного из генералов МВД. Эта маленькая плотная кубышка с хитрыми глазками все время **болтала** с подругой. Параллельный бубнеж мешал всем в зале. Но, как всегда, не **выдержала** только я. Я **поднялась** с места, **представилась** по всем правилам этикетной науки: «Добрый вечер, меня зовут Божена Рынска, я журналист». И **попросила** подсказать, как поступить, если кто-то в театре или на лекции бубнит вторым планом и мешает вам. **Обычно я поворачиваюсь, пепелю болтуна** взглядом и **испускаю** шумный негодующий вздох, **дескать**, ну и народ. Но **наверняка есть** какие-то этикетные правила на этот счет [10].

В приведенном примере сравнение описываемого события с уже имеющимся опытом приводит к смене временных глагольных форм, что подтверждает высказанное В. А. Плунгином мнение о том, что для решения различных дискурсивных задач говорящий привлекает различные грамматические средства: «...дискурсивное использование грамматических механизмов в естественных языках в основном осуществляется с целью разграничить разные типы пассажей» [1].

Еще одной характерной особенностью иронических нарративов является намеренное нарушение логических связей между отдельными клаузами. Например, могут нарушаться причинно-следственные отношения или отношения «действие – результат действия». Хорошим примером такого намеренного нарушения является интродуктивный пассаж в речи главного героя фильма «Служебный роман»:

Как всем известно, труд **облагораживает** человека, и поэтому люди с удовольствием ходят на работу. Лично я хожу на службу только потому, что она меня **облагораживает**.

Если бы не было статистики, мы бы даже не подозревали о том, как хорошо мы работаем [13].

В данном случае результат и действие меняются местами, и это порождает иронический эффект: обычно удовольствие, «облагороженность» – это результаты работы, но не причины, по которым люди трудятся. Аналогичная ситуация между статистическим анализом, которым занимается главный герой, и качеством работы.

Иногда нарушение логических связей возникает в результате того, что пресуппозиции соседних высказываний вступают в противоречие друг с другом и с тем, что в обычной жизни мы называем здравым смыслом. Снова обратимся к вводному пассажиру «Служебного романа»:

Людмила Прокофьевна Калугина. Директор нашего статистического учреждения. Она знает дело, которым руководит. Такое тоже бывает [13].

Утверждая, что Калугина «знает дело, которым руководит», рассказчик сообщает, что человек, о котором идет речь, обладает достаточным для такой работы уровнем компетентности. Однако следующее высказывание в качестве пресуппозиции имеет указание на необычность этого факта, из чего логически вытекает, что обычно руководитель не знает, чем должны заниматься подчиненные. Пресуппозиция противоречит здравому смыслу, а контраст между утверждаемым и логически выводимой информацией порождает иронию.

Таким образом, иронический нарратив – это такой тип текста, в котором не только излагается последовательность некоторых событий, но и выражается отношение рассказчика к этим событиям. Поэтому можно говорить о неоднородности иронического дискурса: структура такого нарратива отличается от классического нарративного текста наличием многочисленных отступлений от основной линии повествования, выполняющих функцию комментариев.

С точки зрения соотношения «голосов» иронический нарратив позволяет рассказчику «переключаться» между собственно повествовательным режимом и режимом рефлексии (этот режим как раз проявляется в комментариях и других фрагментах текста, цель которых – выражение иронического отношения). При таком «переключении» смещается фокус внимания именно на комментарий. Можно говорить о различной степени фокусированности ситуации, т.е. степени значимости нарративной цепочки в общем повествовании: в ироническом нарративе фокус смещается на комментарий, а непосредственное изложение событий становится поводом для выражения оценки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плуноян В. А. Дискурс и грамматика / В. А. Плуноян // Исследования по теории грамматики. – Вып. 4 : Грамматические категории в дискурсе. – М. : Гнозис, 2008. – С. 7–36.
2. Рассказы о сновидениях : корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А. А. Кибрика и В. И. Подлесской. – М. : Языки славянских культур, 2009. – 736 с.
3. Labov W. Language in the Inner City : studies in the black english vernacular / W. Labov. – Philadelphia, Pennsylvania : University of Pennsylvania Press, 1972. – 412 p.
4. Mann W. Rhetorical structure theory : toward a functional theory of text organization / W. Mann, S. Thompson // Text. – 1988. – № 8 (3). – P. 243–281.
5. Fludernik M. Towards a natural narratology / M. Fludernik. – London ; New York : Taylor & Francis, 1996. – 472 p.
6. Fludernik M. An introduction to narratology / M. Fludernik. – London ; New York : Routledge, 2006. – 200 p.
7. Attardo S. The analysis of humorous narratives / S. Attardo // Humor. – 1998. – 11-3. – P. 231–260.
8. Падучева Е. В. Семантические исследования : Семантика времени и вида в русском языке / Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – 2-е изд. – М. : Языки славянской культуры, 2011. – 480 с.
9. Рыска Б. Куршевель превратился в палку. – Режим доступа: www.gazeta.ru/lifestyle/bozhena/3973581.shtml
10. Рыска Б. Свобода ножам и вилкам. – Режим доступа: www.gazeta.ru/lifestyle/bozhena/3834689.shtml
11. Колесников А. Владимир Путин научил ученых фундаментально // Коммерсантъ. – 2010. – 19 мая. – № 87 (4387). – Режим доступа: www.kommersant.ru/doc/1371523/print
12. Колесников А. Владимир Путин побывал в шкуре медведолога // Коммерсантъ. – 2010. – 29 апр. – № 76 (4376). – Режим доступа: www.kommersant.ru/doc/1361892
13. Служебный роман [Видеозапись] : по мотивам пьесы Э. Брагинского и Э. Рязанова «Сослуживцы» / авт. сцен.: Э. Брагинский, Э. Рязанов ; реж. Э. Рязанов ; гл. опер. В. Нахабцев. – М. : Крупный план, 1998.

Воронежский государственный университет

Шилихина К. М., кандидат филологических наук,
докторант кафедры теории перевода и межкультурной
коммуникации

E-mail: shilikhina@gmail.com

Tel.: 8 (473) 220-41-49

Voronezh State University

Shilikhina K.M., Candidate of Philology, Post-graduate
Research Fellow, Department of Translation and Intercul-
tural Communication

E-mail: shilikhina@gmail.com

Tel.: 8 (473) 220-41-49